

*Небо надо мной, небо надо мной –
Как сомбреро, как сомбреро!
Берег золотой, берег золотой –
Варадеро, Варадеро!*

Это был самый сложный и разрушительный год в моей жизни. Я ни в чем не видела смысла. Надо было спасать себя и свою жизнь, но я понятия не имела, как, и постепенно тонула все сильнее в своей беде.

Октябрь. Суббота. Два часа ночи. Сквер на Суханова. Мы сидим на скамейке. Смотрю на огромную луну. Рядом бутылка шампанского, два бумажных стаканчика и Сергей. Мы знаем друг друга страшно сказать сколько лет. Первая школьная безответная любовь, которая в итоге переросла в дружбу. Вечную и безусловную. Он не спрашивает ничего, видит, что мне плохо. Не утешает, не дает тупых советов. Слушает и молчит.

- У тебя есть мечта? – вдруг спросил он, после того как я сама выложила все и сидела, молча пуская слезы.
- Мечта? – Я повернула к нему опухшее от немых слез лицо.
- Ну да, мечта... Только не отвечай сразу. О чем ты мечтала в детстве?
- В детстве? – Я смотрела на него непонимающе. – При чем тут мечта?

– Да. Та-ак, сейчас. Подожди. – Было видно, что он пытается что-то вспомнить. – Куба! Галя, ты всегда мечтала о Кубе! Помнишь?

Он почти кричал, а я не понимала его радости. Но память уже вытаскивала из дальних уголков вехи воспоминаний: я бредила Кубой с тех пор, как отец школьной подруги приехал из командировки с Острова свободы и привез с собой кучу удивительных вещей и историй.

– Да, Сереж, я хочу на Кубу! – И я улыбнулась, впервые за долгое время не вымученной улыбкой, чувствуя наполнившее меня счастье.

Утром он разбудил меня.

– Дай данные загранпаспорта. Только не начинай, зачем и почему. Сбрасывай в почту.

Вечером мы сидели в кафе. И он выкладывал передо мной билеты, брони на гостиницу, какие-то буклеты, договоры...

– Ты вылетаешь через три дня. Вот вся логистика, смотри, тут все по часам и датам.

– Что это?

– Это твоя мечта. Цена тут. Скидки на все максимальные. Часть заплатишь сейчас, часть по возвращении. Я договорился.

Через четыре дня я, преодолев пол земного шара и отсидев попу в самолете за время 23-часового перелета, стояла в аэропорту Гаваны и пыталась найти свой багаж. А его не было. Вообще. Каждый

час садились один за другим самолеты, и весь багаж вываливался на одну ленту. Одну! Единственную ленту транспортера! Я уже час высматривала в завалах свой чемодан и не видела. Мне постоянно названивал гид, который встречал нас и должен был везти в Варадеро... В конце концов этот высокий и красивый смуглый кубинец нашел меня в толпе (впрочем, они все там смуглые и красивые).

- Мы вас ждем уже час! Где ваш багаж?
- Я не знаю, где мой багаж. – Хотелось плакать и спать. Я уже мысленно попрощалась со своими вещами.
- Как он выглядит?

Я описала. Мельком глянув на мою фамилию на багажной бирке и выпросив у меня 10 евро, он ушел куда-то в недра аэропорта и через пару минут вынырнул с моим чемоданом.

Час мы ехали до Варадеро по ночным дорогам Кубы. Если бы не идущая на убыль, но все равно очень яркая луна, вокруг нас была бы абсолютная темнота. Только по темным очертаниям вдоль дороги и редким огонькам я понимала, что мы проезжаем мимо населенных пунктов.

Варадеро. Найдите на карте Кубу. В ста километрах восточнее Гаваны, маленький тонкий и кривой, как аппендикс, расположился Варадеро – популярный кубинский курорт на узком полуострове Икакос. Двадцать километров пляжей, песка, пальм и отелей. Туристическое гетто Острова свободы.

Мы останавливались и высаживали моих соотечественников в разных отелях. В итоге я осталась в автобусе одна. Мой отель находился в отдалении от остальных, на самом конце полуострова.

- Хорошего отдыха, Гала, – сказал мой провожатый, хитро улыбаясь и выгружая мой чемодан. – У вас чудесный отель.

Тогда я еще не могла понять, почему он улыбается. Я очень устала. Больше суток в дороге и почти без сна. Он что-то сказал по-испански подскочившим к нам сотрудникам отеля и передал им бумаги. Меня усадили в открытую машинку и повезли к моему корпусу. Я зашла в номер, где прямо в одежде упала и уснула...

А утром выяснила подробности.

У меня отель «все включено». Мой отель имеет ограничение 18+: никаких детей, горок, ямамок. Танцы и волейбол с утра до вечера на берегу, в море, в бассейне, в столовой... Много рома. Очень много рома. Очень-очень много рома. И...

В моем отеле нет русских. Белорусов, украинцев, казахов и прочих русскоговорящих также нет. На меня смотрели как на чудо. Канадцы, испанцы,

мексиканцы – кто угодно, но не русскоговорящие. Соответственно, никто из персонала по-русски тоже не говорил. А я не говорила по-испански, я и по-английски с трудом. Зато я умела улыбаться, хлопать ресницами и качать головой. Чтобы меня оформить и хоть как-то объяснить правила, нашли русскоговорящего кубинца. Им оказался работник службы безопасности – Альберто.

- Что ты тут делаешь? Тут русских не бывает вообще. Как ты будешь жить здесь три недели, если ты не понимаешь ни слова? – выпучив глаза, тараторил Альберто.
- Как? – До меня стало постепенно доходить, куда я попала. – Как? Чудесно. Я буду жить тут великолепно.

Меня вдруг накрыло невероятное ощущение свободы и счастья. Я на Кубе. Моя мечта сбылась. Полное отсутствие соотечественников и мощнейший языковой барьер позволили мне ощутить полную свободу. Отрешиться от всех проблем, которые остались там, далеко, пол земного шара назад.

За три недели я объездила всю Кубу. От Сан-Хуан-де-Мартисен на западе до Сантьяго-де-Куба на юго-востоке. Сьенфуэгос, Санта-Клара, Тринидат и множество других городов. За какие-то 140 евро я на двое суток наняла машину с огромным чернокожим водителем-охранником и гидом Пабло, и они возили меня по всем значным местам Гаваны. Они провели со мной полдня в усадьбе Хемингуэя под Гаваной, провели меня туда, куда туристов не пускают вообще. Я была в кабинете писателя в его башне, прошла по всему дому, посидела на его кровати, полежала на его диване, поплакала над могилой его собаки...

В Гаване мы вместе с Пабло пили дайкири в том самом любимом баре Хемингуэя, а потом слушали тапера в отеле Ambos Mundos. Я летала на старом, выдавшем виде советском вертолете, который выбросил нас на вершине холма, а потом мы спустились по реке через джунгли на странных лодках и купались возле водопада...

Последнюю неделю я провела в отеле у бассейна. Альберто был моим переводчиком. Оказалось, что так хорошо по-русски он говорит потому, что учился в СССР, в военном училище. Летчик.

В отеле я была в статусе «дочь полка». Русских там любят несмотря на то, что в 90-е мы оставили их без поддержки. А так как в отеле из России была одна я, меня там знал весь обслуживающий персонал. Главной моей задачей было не спиться. Ром лился рекой. Все вокруг пахло ромом. Статус отеля «для взрослых» тоже задавал общую атмосферу.

Мы сидим на веранде компанией, сложившейся уже в первые дни моего отпуска. Девушка-бармен Паула, охранник Альберто, Мигель, который учил гостей танцевать сальсу и играть в волейбол в бассейне, и трио музыкантов, которые каждый вечер развлекали гостей в холле и на танцплощадке. Каждый вечер мы вели свою русско-испанско-английскую беседу.

– Га́ла, у тебя есть дети? – спросила Паула.

– Да, две девочки.

– Дети – это хорошо, у меня вот нет детей. Уже три года с мужем, а детей нет. И, наверное, не будет уже.

– Ой, не говори ерунды, – уже достаточно во хмелю говорю я, – будут у тебя дети. Хочешь, наколдую? Сказала в полушутку, чтобы поддержать Паулу.

Я хлопнула три раза в ладоши:

– Раз, два, три! Трах-тибидох! Все, Паула, скоро ты станешь мамой!

Паула грустно улыбнулась, а Альберто долго и смешно пытался перевести на испанский «трах-тибидох». Следующим утром я умчала в пятидневное путешествие по Острову свободы.

Когда я вернулась в отель, уставшая и покусанная кем-то непонятным, Паула кинулась мне на шею. Она что-то быстро и сбивчиво говорила по-испански.

– Ella piensa que eres una hechicera, – попытался объяснить Мигель.

– Я все равно ничего не понимаю, зови Альберто.

– Га́ла, она думает, что ты волшебница. Ей сказали, что у нее будет ребенок, – сказал подошедший кубинский экс-летчик.

– Трах-тибидох, трах-тибидох, – тараторила Паула, прыгая вокруг меня.

– Ты же понимаешь, что это просто совпадение и я тут вообще ни при чем, мало ли что по пьяни наболтаешь, – сказала я, глядя на Альберто, чтобы он перевел.

– Да какая теперь разница-то теперь!

Оставшуюся неделю Паула звала меня «ми эчесера» («моя волшебница»). Я смущалась. А она подливала мне самого дорогого и старого рома из каких-то своих запасов и делала самый вкусный в мире дайкири...

В последнюю ночь перед отъездом меня провожали всей компанией. Мигель, учивший меня три недели танцевать сальсу, Николас с волшебным голосом и гитарой горланил песни на луну, которая опять светила в небе ярче любых фонарей. Паула притащила мужа и кучу подарков. Альберто принес берет а-ля Че Гевара.

– Dime mi futura bruja. – Николас стоял передо мной, протягивая руку.

– А что хочешь? – спросила я, смотря на его протянутые руки.

Луна шаталась перед глазами, потому что ром был хорош и крепок.

– Quiero vivir en america y cantar, – почти пропел Николас

Я взяла его ладони, повернула к луне.

– Ты будешь жить в Америке, петь, и у тебя будет трое детей и красивая жена, – заплетающимся языком проговорила я.

Утром Альберто, усаживая меня в автобус, спросил:

– Что ты там наговорила Николасу? Он счастливый, говорит, ты ему пообещала, что он будет певцом в Америке. Но самое главное, как ты ему вообще нагадала? Ты же не бум-бум по-испански, а он по-английски трех слов связать не может.

– Эчесера! – пошутила я, ибо слабо помнила события ночи...

Я вернулась домой живая. Другая. С желанием жить и любить. Исполнив свою детскую мечту.

Прошло больше пяти лет. Весной прошлого года я получила открытку из Америки. Из Сан-Франциско. Обратного адреса не было.

Everything happened just as you've predicted. Thank you for making my wish come true.

Holding you tight,

Nicolas.

